

РУБЕЖ 1930-ГО ГОДА: ОКОНЧАТЕЛЬНЫЙ ПЕРЕХОД НА ЖЕСТКИЕ МЕТОДЫ УПРАВЛЕНИЯ В СТАЛИНСКОМ СССР

И.В. Упоров, *д-р ист. наук, канд. юрид. наук, профессор*
Российская академия естествознания
 (Россия, г. Краснодар)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-3-1-47-52

Аннотация. В статье рассматривается сравнительно короткий исторический период (рубеж 1930 г.), в течение которого в советском государстве при сталинском правлении был окончательно взят курс на применение жестких репрессий как одного из важнейших методов в процессе становления новой социалистической государственности. Анализируются соответствующие решения монополюбно правящей ВКП(б), законодательные акты, определявшие усиление административных и уголовных мер ответственности за деяния, направленные прежде всего против интересов государства, а также научные труды, в которых исследуется данная проблематика. Отмечается, что правящая советская элита во главе со Сталиным не допускала никаких компромиссов в части следования постулатам марксистско-ленинской идеологии, и в этом контексте проводилась политика индустриализации и коллективизации; при этом в статье более подробно освещается коллективизация, учитывая, что в то время крестьяне составляли абсолютное большинство населения страны, и многие из них пострадали в результате репрессий. После окончательного перехода на жесткие меры государственного управления такая политика продолжалась, с определенными непринципиальными изменениями, до смерти Сталина.

Ключевые слова: репрессивные меры; рубеж 1930-го года; индустриализация; коллективизация; ликвидация кулачества; преступления против государства.

В начале 1920-х гг. в советской России была введена новая экономическая политика (НЭП), которая для экономики страны дала некоторые позитивные результаты, однако нужно иметь в виду, что НЭП не меняла экономической стратегии советской власти – шел активный процесс огосударствления экономики на средства производства, а собственность на землю с самого начала революции 1917 г. была объявлена всенародным достоянием. В первые годы советской власти в принимаемых законах еще не преобладала карательная составляющая, в частности, это видно по первому УК РСФСР 1922 г., в котором доминировала социологическая теория наказания [1], а также по самой политике НЭП. Однако борьба большевиков с политическими противниками обострялась, и со второй половине 1920-х гг. ситуация стала меняться, в следующем УК РСФСР 1926 г. значительно сильнее стал проявляться классовый признак. В высших эшелонах советской власти все активнее стали проявляться настроения прекратить НЭП, учитывая прежде всего то обстоятельство, что НЭП, как известно, резко расходилась с фундаментальными принципами построения нового социалистического государ-

ства [2, с. 103]. К тому времени в системе публично-властных отношений Сталин уже достиг такого положения, когда его мнение становилось решающим. Так, само проведение НЭП не меняло его политико-идеологических убеждений Сталина, что видно, в частности, по его трудам того времени. Например, в работе «Об основах ленинизма» (сборник его лекций, прочитанных в Коммунистическом университете имени Я.М. Свердлова и первоначально публикуемых в «Правде» в нескольких номерах апреля-мая 1924 г. [3]) не было тени сомнений в необходимости ликвидировать какие бы то ни было капиталистические методы в экономике. Соответственно на смену НЭП были объявлены два главных направления:

1) коллективизация (кооперация) сельского хозяйства, поскольку именно в этой сфере были сосредоточены в наибольшей степени представители пусть мелкой, но частнособственнической психологии, неприемлемой в новом государстве с общенародной собственностью;

2) индустриализация, поскольку без мощной экономики нельзя было решить проблему повышения благосостояния народа и доказать

тем самым всему миру преимущества новой, социалистической формы государственности.

Это были фундаментальные направления развития советской государственности и экономики, и реализовать их без надлежащей вертикали власти было невозможно. А по мере сопротивления оппозиционных сил эта вертикаль еще более усиливалась. 7 ноября 1929 г. «Правда» публикует статью Сталина «Год великого перелома» [4], где он пишет о «решительном наступлении социализма на капиталистические элементы города и деревни». Так, переход к форсированной сплошной коллективизации, ее темпы и методы, были определены в постановлениях ЦК ВКП (б) от 5 января 1930 г. «О темпах коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству» и от 30 января 1930 г. «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации». Основные положения этих документов, принятых монополично правящей ВКП (б), были закреплены, как это обычно делалось, законом, принятым ЦИК и СНК СССР 1 февраля 1930 г. «О мероприятиях по укреплению социалистического переустройства сельского хозяйства в районах сплошной коллективизации и по борьбе с кулачеством». В таких актах были обозначены контуры предстоящих принудительных мер – пока еще имевших административно-правовой характер, но позже по многим аспектам трансформировавшимся в уголовно-правовые, а если точнее в уголовно-политические меры, что видно, в частности, по отмеченному выше Постановлению ЦК ВКП (б) от 30 января 1930 г., где, в частности, предписывалось: «В целях решительного подрыва влияния кулачества на отдельные прослойки бедняцко-средняцкого крестьянства и безусловного подавления всяких попыток контрреволюционного противодействия со стороны кулаков проводимым советской властью и колхозами мероприятиям, принять в отношении кулаков следующие меры...» [5]. Далее кулачество распределялись на три категории, в зависимости от категории по критерию опасности для государства, определялись такие меры, как применение высшей меры репрессии; высылка в отдаленные местности; расселение на новых отводимых им за пределами колхозных хозяйств участках.

На основании отмеченного закона от 1 февраля 1930 г. краевые (областные) исполнительные комитеты и правительства авто-

номных республик получили право применять во внесудебном порядке репрессии, также в компетенцию указанных органов стало входить и определение признаков кулацкого хозяйства. Ранее признаки кулацкого хозяйства были определены и суммированы по результатам работы Комиссии по унификации общесоюзного законодательства о признаках и порядке отнесения крестьянских хозяйств к числу кулацких. Эта комиссия была создана СНК СССР 19 марта 1929 г. [6, с. 71]. При этом на местах органы власти часто проявляли высочайшую активность в воплощении постнэповских направления внутренней политики, и прежде всего по раскулачиванию. Механизм кампанейщины нашел благодатную почву в лице бедноты, которая ненавидела своих зажиточных крестьян. В.А. Иванов, описывая это явление, говорит даже о «кураже», «раже», в которые впадали в селах [7, с. 21]. В этой связи уже 2 марта 1930 г. тот же Сталин публикует в «Правде» известную статью «Головокружение от успехов», в которой предупреждает о недопустимости эксцессов. Но генеральная линия была непоколебимой.

При этом нужно иметь в виду, что советская Россия по социальному составу по-прежнему, несмотря на численный рост пролетариата в рамках объявленной индустриализации, оставалась крестьянской страной, соответственно коллективизация имела значительно более сильные социальные последствия, чем индустриализация. И это вполне объяснимо – ведь коллективизация неизбежно была связана с реквизицией личного имущества-собственности, и это многими крестьянами воспринималось чрезвычайно болезненно, учитывая, что методы коллективизации были распространены на все районы страны без учета местных особенностей, традиций населения районов, и в целом крестьяне в большинстве своем не были против кооперирования как такового, то многие меры его осуществления нередко вызвали недовольства и даже протесты [8, с. 66]. Так, бюро Северо-Кавказского крайкома ВКП (б) 4 ноября 1932 г. приняло постановление «О ходе хлебозаготовок и сева по районам Кубани», в котором, в частности предписывалось «сломить саботаж хлебозаготовок и сева, организованный кулацким контрреволюционным элементом, уничтожить сопротивление части сельских коммунистов, ставших фактически про-

водниками саботажа и ликвидировать несовместимую со званием члена партии пассивность и примиренчество к саботажникам ... Предупредить жителей станиц, занесенных на черную доску о том, что в случае продолжения саботажа хлебозаготовок будет поставлен вопрос об их выселении из пределов края» [9]. К станицам, не выполнявшим заданий по хлебозаготовкам, применялись такие меры, как немедленное прекращение подвоза товаров, проведение чистки колхозного, кооперативного и государственного аппарата от «враждебных элементов», арест органами ОГПУ организаторов саботажа хлебозаготовок. Попасть на «черную доску» для колхоза почти равнялось коллективному смертному приговору [10, с. 92]. Станицы, занесенные на «черные доски», лишались исторических названий, а их жители выселялись в северные районы страны и в Сибирь. По неполным данным число депортированных из сельских районов Кубани в конце 1932 г. – начале 1933 г. составило 63,5 тысячи человек [11; 12 и др.]. Подобное положение наблюдалось во многих других регионах СССР [13; 14; 15 и др.].

При таких мерах сопротивление крестьян было неизбежным. Так, только за январь-март 1930 г. ОГПУ было зарегистрировано более 2200 открытых выступлений крестьян, в которых участвовало свыше 800 тыс. человек. В ряде случаев дело доходило до вооруженных восстаний [16, с. 15]. Было много перегибов при раскулачивании, и на места из центра направлялись предписания не допускать их. Но процесс коллективизации набирал обороты, и в создавшейся кризисной обстановке власть могла удержать ситуацию под контролем только посредством жестких мер. Другой вариант, связанный с изменением политики на селе, а именно свертыванием коллективизации, предоставлением крестьянам-единоличникам больше имущественных прав, свободы выбора способа хозяйствования даже не рассматривался. Однако именно крестьянский вопрос в решающей степени разделил правящую элиту на несколько противоборствующих групп, борьба между которыми все чаще стала выливаться в уголовно-политические процессы, когда представители проигравших (Бухарин, Рыков и др.) оказывались на скамье подсудимых.

Как видно, приступив к коллективизации и индустриализации и встретив в процессе

практической реализации этой политики сопротивление, советская власть выбрала тактику усиления административных и уголовных репрессий. По мнению Г.М. Дерлугьяна, такой был обусловлен тем, что советской экономике в рамках индустриализации нужна была рабочая сила, и брать ее кроме как из села, было неоткуда, рабочей силы, соответственно планы форсированной индустриализации и коллективизации стали полностью определять направленность репрессивной политики советского государства [17, с. 19]. И достаточно быстро первоначально применяемые меры административного принуждения (прежде всего ссылка, конфискация имущества), где ведущая роль принадлежала ОГПУ-НКВД, стали трансформироваться в уголовные наказания, причем законодатель с подачи партийных органов, и прежде всего Политбюро ЦК ВКП (б), где определялись все принципиально важные вопросы во всех сферах общественных отношений, не только усиливал наказания по имеющимся составам, но и превращал в преступные те деяния, которые ранее не были криминализованы. Акцент при этом, разумеется, делался на объекте посягательства в виде государственных интересов.

Так, 7 августа 1932 г. по инициативе Сталина ЦИК и СНК СССР принимают постановление об охране общественного (государственного) имущества, в котором содержались жесткие репрессивные меры. Например, покушавшиеся на общественную (государственную) собственность объявлялись врагами народа, и за такие преступления предусматривались длительные сроки лишения свободы и даже расстрел. В преамбуле этого закона указывалось, в частности: «Центральный исполнительный комитет и Совет народных комиссаров Союза ССР считают, что общественная собственность (государственная, колхозная, кооперативная) является основой советского строя, она священна и неприкосновенна, люди, покушающиеся на общественную собственность, должны быть рассматриваемы как враги народа, в виду чего решительная борьба с расхитителями общественного имущества является первейшей обязанностью органов советской власти» [18]. В заключении данного Постановления, имея ввиду покушавшихся на общественную собственность, прямо указывалось: «приравнять их преступления к государственным преступ-

лениям». Обращает на себя внимание также то обстоятельство, что данный союзный правовой акт применялся судами непосредственно, то есть он не был включен в УК РСФСР (как и в УК других союзных республик) в качестве дополнения и изменения. Это свидетельствует о том, что советское руководство союзного масштаба, уже выстроив к тому времени достаточно жесткую властную вертикаль, давало понять региональным органам власти, что от них требуется только исполнение данного закона, то есть публичных обсуждений ни по целесообразности закона, ни по формулировкам, не было [3].

При этом советская власть не скрывала причин усиления репрессий. Так, в совместном постановлении ЦК ВКП (б) и СНК СССР о карательной политике в деревне, изданном в виде соответствующей Инструкции 8 мая 1933 г., указывалось, в частности, что «отчаянное сопротивление кулачества колхозному движению, развернувшееся еще в конце 1929 года и принявшее форму поджогов и террористических актов против колхозных деятелей, создало необходимость применения Советской властью массовых арестов и острых форм репрессий в виде массового выселения кулаков и подкулачников в северные и дальние края» [19]. В связи с этой Инструкцией и оценивая её, Д.М. Михеев отмечает, что «безудержное наращивание массовых репрессий наносило удар по экономике и социальной стабильности. Осознавая негативные последствия массовых репрессий, руководство партии и государства периодически пробовало в определенной мере снизить уровень репрессий, отказаться от крайностей государственного террора и усилить роль правовых механизмов. Хотя, конечно, масштабы этого поворота не следует преувеличивать. В своей основе режим оставался преимущественно репрессивным и жестоким» [20, с. 15].

В 1933-1934 гг. издавались я новые законы, направленные на усиление уголовно-правовой ответственности. Так, 16 февраля 1933 г. СНК СССР принимает постановление «О мероприятиях по усилению борьбы с хищениями и растратами в государственных и кооперативных торговых предприятиях», в июле следующего года ЦИК и СНК СССР принимает постановление: «О дополнении уголовных кодексов союзных республик статьей об ответственности за обворовывание потребителя и обман Советского государства» [21], а СНК

СССР – Постановление «О борьбе с расхищениями денежных доходов на железнодорожном транспорте» [22] и др. К середине 1930-х гг. усиление уголовных репрессий приобретает периода апогея. По-прежнему они основывались на провозглашенном тезисе об обострении классовой борьбы и касались прежде всего тех, кто тем или образом посягает на советский строй. К таковым государство стало относить и родственников лиц, совершивших государственные преступления, не имевших к деяниям никакого отношения, то есть стал использоваться принцип объективного вменения [2]. В этом же контексте можно отметить и появление печально известного ГУЛАГа; содержащиеся в местах лишения свободы заключенные активно использовались как дешевая рабочая сила на многих стройках индустриализации [23].

Помимо усиления уголовной и административной ответственности за деяния против интересов государства, в рассматриваемый период соответственно видоизменялась и система карательных органов. Как апофеоз уголовно-политических репрессий рассматриваемого периода можно считать ряд показательных политических процессов, где на скамье подсудимых оказались известные деятели, недавние соратники Сталина. Так, в марте 1931 г. в Верховном суде проходило слушание дела «Союзного бюро меньшевиков», представителей которого обвинили в пособничестве иностранным спецслужбам. По этому делу, как и по другим делам, были репрессированы известные специалисты. В августе 1932 г. секретарем Краснопресненского райкома ВКП (б) М.Н. Рютиным была создана «новая оппозиция» режиму – «Союз марксистов-ленинцев». Все они также подверглись уголовному преследованию. В рассматриваемый период было много и других процессов, наиболее громкие из которых уже довольно подробно описаны в литературе, причем материалы процессов нередко печатались в официальных изданиях тех лет (в числе авторов трудов об этом А.Б. Ананьич, В.М. Панеях, В.М. Алпатов, В.С. Брачев, С.А. Красильников, А.М. Тереняк, И.А. Суздальцев, О.Б. Мозохин, Н.В. Петров и др.).

Результатом указанной карательной политики, судебных процессов в отношении «врагов народа» конца 1920-х – начала 1930-х гг. стало закрепление системы тотальной политической диктатуры в стране [24, с. 104].

Массовые репрессии позволили советскому правительству активизировать индустриализацию, провести коллективизацию, при этом применялись необоснованно жесткие репрессивные меры, перегибы которых власть пыталась предотвращать, что меняло общей стратегии в уголовно-политической сфере [25]. Соответственно в полной мере преодолеть кризисную ситуацию в стране, имея в виду прежде всего социально-экономическую ситуацию, так и не удалось. Итоги первой пятилетки оказались противоречивыми. С одной стороны, успех индустриального рывка был, несомненно, впечатляющим. В стране за короткое время было построено значительное количество крупных промышленных объектов. С другой стороны, налицо имелись опре-

деленного рода издержки промышленного скачка. Начиная с 1929 г., темпы прироста валовой продукции промышленности СССР обрели тенденцию к своему неуклонному снижению. Ни один годовой план первой пятилетки не был выполнен в полном объеме. Население и многие чиновники (очевидно, большинство) пребывали в страхе за свою жизнь [3]. Такая политика нашла свое отражение в развитии уголовного законодательства, отличительной чертой которого стало перманентное принятие законов, неизменно усиливавших уголовную ответственность за совершение деяний, посягающих на интересы государства. Отход от этого режима стал возможен только после смерти Сталина.

Библиографический список

1. Турицын И.В., Упоров И.В. Уголовное наказание в теоретических и законодательных конструкциях (историко-правовой аспект) // Право и практика. – 2014. – № 4. – С. 11-19.
2. Губжокова Л.А. Уголовно-политические процессы в период укрепления административно-командной системы советского государства (1929-1934 гг.): дисс. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2007.
3. Сталин И.В. Об основах ленинизма // Правда. 1924 (№ 96, 97, 103, 105, 108, 111).
4. Сталин И.В. Год великого перелома // Правда. 1929. 7 ноября.
5. Постановление ЦК ВКП (б) от 30.01.1930 г. «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации» // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898-1986). – М., 1984. Т. 5. – С. 73-75.
6. Баранцева Е.Л. Организационно-правовые основы и механизм политики репрессий в Вятском крае (ноябрь 1917-декабрь 1934 года): дис. ... канд. юрид. наук. – Н. Новгород, 2005.
7. Иванов В.А. Миссия ордена. Механизм массовых репрессий в Советской России в конце 20-х – 40-х гг. (на материалах Северо-Запада РСФСР). СПб., 1997.
8. Хачемизова Е.Х. Общество и власть в 30-е – 40-е гг. XX века: политика репрессий (на материалах Краснодарского края): дис. ... канд. ист. наук. – Майкоп, 2004.
9. Постановление Северо-Кавказского крайкома ВКП (б) от 04.11.1932 г. «О ходе хлебозаготовок и сева по районам Кубани» // Молот. 1932. 5 ноября.
10. Фицнатрик П.И. Сталинские крестьяне // Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. – М: РОССПЭН. 2001.
11. Ротон В.С., Придиус П.П. Кубань: Один год с Батькой Кондратом и его дружиной. – Краснодар: Советская Кубань, 1998. – С. 15.
12. Кропачев С. Большой террор на Кубани. Драматические страницы истории края 30-40-х годов. – Краснодар, 1993.
13. Проскурина Л.И. Сталинская коллективизация: дальневосточное крестьянство в первой половине 30-х гг. XX в. // Россия АТР. – 2022. – № 1. – С. 131-143.
14. Атаптаева Б., Ахметова Р., Щеглова Т., Ботабекова А. Протестные настроения и стратегии выживания казахского населения в 1929-1930-е годы: поведенческие мотивы и формы сопротивления // Gumilyov Journal of History. – 2025. – № 3. – С. 60-78.
15. Абдулаев М.Г. Репрессивные меры в процессе коллективизации сельского хозяйства в Средней Азии // Вопросы востоковедения. – 2022. – № 3. – С. 16-21.
16. Курицын В.М. История государства и права России. – М.: Межд. отношения, 1998.
17. Дерлугьян Г.М. Крушение советской системы и ее потенциальные следствия: банкротство, сегментация, вырождение // Полис. – 2000. – № 2. – С. 18-30.

18. Постановление ЦИК и СНК СССР «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности» от 07.08.1932 г. // СЗ СССР. 1932. № 62. Ст. 360.

19. Инструкция СНК И ЦК ВКП(б) всем партийно-советским работникам и всем органам ОГПУ, суда и прокуратуры от 08.05.1933 г. // Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. – М., 1993. – С. 110-111.

20. Михеев Д.М. Попытка торможения репрессивной машины: влияние инструкции ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 8 мая 1933 г. на работу судебных органов Сибири // Исторический курьер. – 2019. – № 1. – С. 2-16.

21. Постановление ЦИК и СНК СССР «О дополнении уголовных кодексов союзных республик статьями об ответственности за обворовывание потребителя и обман Советского государства» от 25.07.1934 г. // Известия ВЦИК СССР. 1934. 6 августа.

22. Постановление СНК СССР «О борьбе с расхищениями денежных доходов на железнодорожном транспорте» от 11.07.1934 г. // СЗ СССР. 1934. № 40. Ст. 320.

23. Упоров И.В. Пенитенциарная политика России в XVIII-XX вв.: Историко-правовой анализ тенденций развития: монография. – Санкт-Петербург, 2004.

24. Усенко А.Н. Массовые политические репрессии 1930-х годов на Дону: дис. ... канд. ист.наук. – Ростов-на-Дону, 2006.

25. Ефремов И.В. О борьбе с искривлениями социалистической законности в ходе коллективизации и раскулачивания в советской деревне в 1930 г. // Проблемы социально-экономического развития Сибири. – 2022. – № 2. – С. 124-127.

THE TURN OF 1930: THE FINAL TRANSITION TO HARSH GOVERNANCE METHODS IN STALIN'S USSR

I.V. Uporov, *Doctor of Historical Sciences, Candidate of Legal Sciences, Professor*
Russian Academy of Natural Sciences
(Russia, Krasnodar)

Abstract. *This article examines the relatively short period (the turn of 1930) during which the Soviet state, under Stalin's rule, finally adopted a policy of harsh repression as one of the most important methods in the process of establishing a new socialist state. It analyzes the relevant decisions of the monopolistic ruling All-Union Communist Party (Bolsheviks), legislative acts that strengthened administrative and criminal penalties for acts primarily directed against the interests of the state, as well as scholarly works that explore this issue. It is noted that the ruling Soviet elite, led by Stalin, did not tolerate any compromises in adhering to the tenets of Marxist-Leninist ideology, and in this context, a policy of industrialization and collectivization was pursued. The article covers collectivization in greater detail, given that at the time, peasants constituted the absolute majority of the country's population and many suffered as a result of the repressions. After the final transition to harsh state control measures, this policy continued, with some minor modifications, until Stalin's death.*

Keywords: *repressive measures; late 1930s; industrialization; collectivization; liquidation of the kulaks; crimes against the state.*